

ствительно могла представить из себя преграды правительственному сосредоточению власти (централизации); и они постарались посредством изменений в законе о наследстве *демократизовать собственность, увеличивая число собственников*.

Они навсегда уничтожили политические различия между сословиями: духовенством, дворянством и «третьим» сословием, - а для того времени это было дело громадное. Стоит только посмотреть, с каким трудом дается это уравнивание сословий в Германии или в России. Они уничтожили дворянские титулы и существовавшие в то время бесчисленные привилегии и сумели найти более справедливые основания для распределения налогов. Они сумели избежать образования верхней Палаты, которая стала бы оплотом реакции. А законом об организации департаментов, муниципалитетов и общин (18–30 декабря 1789 г.) они необычайно облегчили дело революции, сильно ослабив в провинции центральную власть и дав городам и общинам значительную долю местной независимости и самоуправления.

Наконец, они отобрали у церкви ее богатства и тем уничтожили ее силу и превратили членов духовенства в простых чиновников на службе у государства. Войско было преобразовано; суды - тоже, причем избрание судей было предоставлено народу. И во всем этом законодателям буржуазии удалось избежать слишком большой централизации. Словом, в отношении законодательства мы видим здесь дело умелых и энергичных людей, и вместе с тем мы находим известную долю *республиканского демократизма и местной независимости*, которую не умеют достаточно оценить передовые партии нашего времени, проникнутые духом централизма, т. е. «единой власти» и «сосредоточения власти» в руках министерств.

И все-таки, несмотря на все эти законы, ничего еще не было сделано. *Действительность не соответствовала теории*, потому что и в этом состоит всегда ошибка тех, кто сам недостаточно близко знаком со способом действия правительственного механизма: *между изданным законом и его практическим проведением в жизнь лежит еще целая пропасть*.

Легко сказать: «Имущества духовенства перейдут в руки государства». Но как *произойдет это в действительности*? Кто, например, явится в аббатство Сен-Бернар в Клерво и велит аббату и монахам удалиться? Кто выгонит их, если они не уйдут добровольно? Кто помешает им вернуться завтра же при поддержке всех богомолков соседних деревень и вновь начать отправлять службу в аббатстве? Кто организует раздел или хотя бы только продажу их земель? Кто, наконец, превратит прекрасное здание аббатства в приют для стариков, как это сделало впоследствии революционное правительство? Мы видели (гл. XXIV), что если бы парижские *секции* не взяли продажу имуществ духовенства в свои руки, закон об этой продаже даже не начал бы применяться на практике.

В 1790, 1791 и 1792 гг. старый порядок еще держался очень крепко и грозил при первом удобном случае вновь возродиться с некоторыми незначительными изменениями, точно так же как во времена Тьера и Мак-Магона в 1871–1878 г., после падения Наполеона III, каждую минуту грозила вновь возродиться наполеоновская империя. Духовенство, дворянство, старое чиновничество, а главное - старый дух, старые привычки были тут под рукой, готовые поднять голову и запереть в тюрьму всякого, кто посмел опоясаться трехцветным шарфом. Они искали только удобного случая и умело подготавливали этот случай. К тому же новые департаментские директории (*directoires de departement*, т. е. губернские управления), созданные революцией, но состоявшие из представителей более зажиточного класса, представляли собой готовые рамки для восстановления старого строя. Это были оплоты контрреволюции.

Учредительное и Законодательное собрания издали целый ряд законов, ясностью и слогом которых восхищаются до сих пор, и тем не менее огромное большинство этих законов оставалось мертвой буквой. Известно, например, что больше двух третей основных законов, изданных между 1789 и 1793 гг., никогда даже и не начали проводиться в жизнь.

Дело в том, что издать новый закон еще мало: почти всегда бывает нужно создать еще механизм, приспособленный для исполнения этого нового законодательства. И если оно хоть сколько-нибудь затрагивает установившиеся привилегии, то для приложения его к практике со всеми его последствиями приходится пустить в ход целую революционную организацию. К каким ничтожным результатам привели, например, все законы о даровом и обязательном обучении, изданные Конвентом! Они остались мертвой буквой.